

ハルト：

反射の峡谷と肉体の結晶

◆◆◆
Canyon of Reflections and Crystals of Flesh

Зеркальный Вихрь

Харуто Том 1 книга 4 "Каньон Отражений и цена истины."

<https://litres.ru/74326183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Возвращение в родную деревню Рикугами оборачивается для Харуто Камиямы и его друзей столкновением с суровой реальностью. Элитные стражи Кураторов превратили поселение во фронтовую зону. Пока Такэру отчаянно ищет исчезнувшую сестру Сакуру, Харуто получает послание: «Границы лгут. Ищи правду в руинах».

Путь героев лежит к Западным Руинам — «могиле знаний». В Каньоне Отражений, чьи стены из чёрного базальта служат зеркалами памяти, герои сталкиваются с тенью Рёнся Хэйи. Каньон требует непомерную плату за истину: Миюки жертвует левым глазом ради видения прошлого, а Харуто платит крупными дорогами воспоминаний за разрушение смертоносных иллюзий. В сердце каньона Такэру видит образ Сакуры в центре мирового пожара, осознавая, что она — ключ к очищению мира.

Финальное противостояние в Зале Кураторов заставляет героев сделать окончательный выбор: остаться послушными инструментами системы или, бросив свои артефакты, выбрать

собственный путь в мире, где прежние правила превратились в пепел.

Зеркальный Вихрь

Харуто Том 1 книга 4

"Каньон Отражений и цена истины."

Глава 31: «Дым над воротами»

Часть 1: Ворота Рикугами — дым, оцепление, страх жителей

Дым не пахнул пожаром. Он пахнул страхом

Харуто первым остановился у поворота тропы. За его спиной замерли Такэру, Рин, Миюки и Аяме. Группа молчала не от усталости после долгого пути, а от тяжёлого осознания: перед ними стояло не приветствие, а баррикада

Ворота Рикугами — те самые, что Харуто видел в снах с самого детства, вырезанные из цельного векового кедра — теперь были обмотаны чёрной тканью. Это не был траур; ткань выглядела грубой, оперативной, наспех накинутой для обозначения закрытой зоны

Стражи в серых доспехах стояли плотным оцеплением, плечом к плечу. Их копья были направлены в землю, но пальцы сжимали древки так сильно, что казалось, они ждут

удара в любую секунду

. Лица воинов были бледными, а глаза лихорадочно бегали по толпе жителей, собравшихся у входа.

В толпе Харуто видел знакомые, но искажённые ужасом лица: женщины, прижимающие к себе детей, старик с пустым ведром, молодой парень, чьи костяшки пальцев побелели от яростного сжатия кулаков

.
— Это не нападение духов, — тихо, почти хрипло произнёс Такэру. Его голос дрогнул от горького узнавания. — Это осада

.
Аяме прищурилась, изучая землю. Перед воротами виднелись многочисленные следы не когтей или копыт, а тяжёлых самурайских сапог, ведущих изнутри деревни наружу

. — Они боятся не того, что придёт из лесов, — прошептала она, и её пальцы коснулись тетивы Цукиханы. — Они боятся того, что уже внутри

.
Рин медленно закрыла глаза, её лицо стало мертвенно-бледным. — Слышу... шёпот, — выдохнула она. — Он не в моей голове, он в самих стенах. Кто-то плачет в подвале храма, кто-то кричит в доме старосты. А кто-то... смеётся

.
Миюки медленно опустилась на одно колено, прижав ладонь к обочине дороги. Трава под её пальцами не шелестела

от ветра. Она была мёртвой

. — Земля не спит, — прошептала Миюки с тихим ужасом. — Она боится

.
Над воротами продолжал виться густой, удушливый дым, отрезая героев от дома, который они так стремились защитить. Мир, который они знали, превращался в фронт, где границы между своими и чужими окончательно стирались в пепел

.
Хокку: Дым не от огня, Страх в глазах — не от врага. Кто построил стену?

Часть 2: Харуто встречает мать в толпе; её сдержанное приветствие

Харуто заметил её не сразу среди сплошной стены испуганных лиц и сжатых кулаков

. Он искал глазами знакомые черты — старика-соседа или девочку, что когда-то дарила ему цветы сакуры, но все вокруг стали чужими

. Его взгляд зацепился за угол серого кимоно — цвета утра после пожара

. Акико Камияма стояла в третьем ряду толпы, её руки были просто сложены перед собой, а волосы убраны в строгий узел без всяких украшений

. Её тёмные глаза, глубокие, как горные колодцы, смотрели на сына без радости, но с тяжёлым, накопленным годами знанием

. Она не крикнула его имя и не махнула рукой, просто молча наблюдая за ним сквозь оцепление стражей

. Когда Харуто машинально попытался шагнуть к ней, страж преградил ему путь копьём, требуя сначала пройти проверку

. Тогда мать сама начала движение, медленно и точно протискиваясь сквозь толпу, огибая людей с такой сосредоточенностью, будто каждый её шаг был ударом сердца

. Она остановилась всего в двух шагах от сына, и воздух между ними мгновенно стал густым от невысказанных слов

. — Ты вернулся... — её голос прозвучал тихо, но отчётливо, не дрогнув ни на секунду

. После короткой паузы, которая показалась Харуто длиннее всей его жизни, она добавила лишь одно слово: — ...живым

. В этом приветствии не было привычного «добро пожаловать домой» или обещаний горячего ужина; Харуто почувствовал, что она всерьёз рассматривала и другой вариант его возвращения

. Он лишь выдохнул «мама», не найдя сил для других слов

Её взгляд скользнул по его плечу к рукояти Когарэби, а затем задержался на новом шраме у виска, который Харуто получил в Запретных горах

. Она не спросила о ране, лишь упомянула, что дома расцвели лунные цветы, которые он сажал в детстве

. — Они не ждали тебя. Но расцвели, — добавила она, и Харуто почувствовал, как внутри него что-то треснуло от этой холодной констатации факта

. Тот факт, что она стояла перед ним такая отстранённая, заставил Такэру отвернуться, а Рин — закрыть глаза

.
— Иди, — почти шёпотом произнесла Акико, — кураторы ждут. Пока ждут

. После этого она развернулась и ушла прочь, ни разу не оглянувшись на сына

. Харуто остался стоять, оглушённый её словами, пока Казума Сэно не положил руку ему на плечо, выражая этим жестом больше, чем можно было сказать вслух

. Мать знала правду, которую он только начинал осознавать: в этом новом Рикугами он больше не был просто сыном, он был инструментом системы

.
Хокку: Цветы расцвели, Но не для тебя. Для тех, Кто останется

.

Часть 3: Такэру ищет Сакуру и узнаёт, что она ушла с кураторами

Такэру не кричал. Он искал. Его глаза метались по толпе не как у потерянного мальчика, а как у охотника, который знает: добыча где-то рядом

. Его взгляд скользил по рваным плащам жителей, по серым кимоно, по лицам детей, прижавшихся к матерям. Он искал ту, чьё имя когда-то было синонимом дома, а теперь было выгравировано на внутренней стороне его щита Сэйтэн как напоминание: «Предательница. Не доверяй»

. — Сакура? — его голос прозвучал хрипло, но никто в толпе не обернулся

. Жители Рикугами смотрели в землю или на ворота, старательно избегая встречи взглядом с «героем». Такэру шагнул вперёд, грубо отстраняя плечом женщину с ребёнком. Время было дороже вежливости

. — Сакура Ито! — крикнул он громче. Толпа сжалась, как стая птиц перед хищником

. Из-за спины старухи с корзиной трав выглянул тот самый мальчик, что ранее бросил газету Харуто. В его острых глазах не было страха, только знание

. — Её нет, — прямо сказал он. Такэру замер, его рука

непроизвольно потянулась к рукояти щита. Руны на Сэйтене молчали

. — Где она? — Ушла. С кураторами. Три дня назад, — мальчик запнулся, бросив быстрый взгляд на стражей у ворот. — Бабка Лина видела. Сказала: «Сакура шла, как на казнь. Но не плакала». Только оглянулась на твою хижину. Долго смотрела

.
Такэру горько усмехнулся. Смотрела, чтобы запомнить, откуда уходит навсегда

. В этот момент из толпы донёсся женский шёпот: — Она оставила тебе... — голос оборвался. Страж у ворот угрожающе направил копьё в сторону говорившей

.
Кулаки Такэру сжались до белых костяшек. В горле стоял ком не от заботы, а от ярости. Опять она втягивала невинных в свои игры

. Он развернулся и тяжёлым шагом подошёл к Харуто, который всё ещё сжимал газету.

— Она с кураторами, — бросил Такэру, и в его голосе звенел лёд

. — Три дня назад ушла. Харуто поднял взгляд, полный тяжёлого понимания. Он указал на заголовок в новостях: «Кураторы усиливают наблюдение за родственниками героев». Имя Сакуры было в списке

Такэру сжал зубы. Она никогда не была для него просто «родственницей». Она была тенью, что шепталась с Викарием и смеялась, пока он плакал над могилой отца

. В этот момент подошёл Казума Сэно. Он положил руку на плечо Такэру и произнёс правду, которую тот не хотел признавать: — Пешки ходят. А вас — двигают

.
Хокку: Имя на щите, Тень сестры среди волков. Кто ведёт игру?

Часть 4: Новости в газете: Аматаэрасу обвиняет Сусаноо в диверсии

Газета лежала в пыли там, где упало её свёрнутое тело, брошенное мальчишкой

. Харуто не поднимал её сразу — он смотрел на серый, дешёвый листок, края которого уже промокли от утренней росы, как смотрят на ядовитую змею, готовую к броску

. На лицевой стороне красовался заголовок, будто вырезанный не типографским станком, а острым ножом:

«АМАТЭРАСУ ОБВИНЯЕТ СУСАНОО В ДИВЕРСИИ
НА ГРАНИЦЕ»

.
Под заголовком мелким шрифтом, напоминавшим дрожащую руку автора, сообщались кровавые подробности

. Вчера на рассвете прогремел взрыв у Каменного Моста;

семнадцать пограничников Амата́расу были найдены мёртвыми

. На их телах обнаружили вырезанные символы Рикугами — полумесяц в круге

. Сусаноо яростно отрицала свою причастность, в то время как Амата́расу требовала немедленной выдачи «виновных»

. Совет пяти стран созвал экстренное собрание, торговля была остановлена, а границы — закрыты

. Рин наклонилась к бумаге первой, но тут же отдернула пальцы, словно те обожглись

. — Ложь, — прошептала она, и в её ледяном взгляде читалось отвращение

. — Символы неправильные. В нашем полумесяце в круге должно быть пять точек. Здесь — всего четыре. Кто-то очень хотел, чтобы мы не заметили разницы

. Миюки опустилась на колени рядом и прижала ладонь к газетному листу

. Закрыв глаза, она почувствовала не запах типографской краски, а нечто иное. — Бумага помнит страх, — тихо произнесла она. — Тот, кто писал это, подчинялся прямому приказу, и его рука дрожала не от горя, а от осознания того, что он совершает

На обратной стороне, спрятанные за основными новостями, виднелись другие тревожные сводки

. В Чхонгунге герой Ли Вэй остановил бунт в порту Синьхай, не обнажая меча, а лишь произнеся одно слово

. Сяньню ушла в полную изоляцию — никто не входил и не выходил, а по миру ползли слухи о «неведанной девушке», чьё имя стало запретом

. В Аматаэрасу же «тень в маске» официально стала советником лидера

.
— «Тень в маске»... — Аяме до боли сжала край газеты.
— Это не имя. Это предупреждение

.
В этот момент за спинами стражей раздался спокойный голос Казумы Сэно

. Он подошёл, взял газету и, не читая, скомкал её в кулаке. — Совет пяти стран лжёт, но не все в нём — лжецы, — сказал он, бросая бумагу в костёр у ворот

. — Эти символы на телах — не диверсия. Это приманка. Кто-то хочет, чтобы пять стран сожрали друг друга, а потом этот кто-то соберёт пепел и построит на нём новый порядок

.
Такэру смотрел на пламя, пожирающее ложь, и в его глазах вспыхнула ярость. — Они играют с нами, как с пешками, — прошептал он

. — Нет, Такэру, — Казума положил руку ему на плечо.

— Пешки ходят сами. А вас — двигают

Хокку: Газета в огне, Пепел ложных обвинений — Мир
ждёт новой тьмы

Часть 5: Миюки находит в траве кристалл Кэндзи Сэки
Миюки опустилась на колени не сразу, сначала она замерла, словно почувствовав, как сама земля под её ногами тяжело вздохнула

. Это не был порыв ветра или подземный толчок — это было нечто более глубокое, исходящее оттуда, где корни деревьев хранят память, давно стёртую из умов людей

. Такэру, всё ещё охваченный напряжением от безуспешных поисков Сакуры, резко спросил её о причинах заминки, но целительница не ответила

. Она медленно опустилась на одно колено, касаясь пальцами травы у обочины дороги, по которой они только что шли к забаррикадированным воротам Рикугами

. Трава в этом месте была неправильной: она не была вытоптана сапогами стражей или выжжена удушливым дымом — она была мёртвой

. «Она не спит, — почти беззвучно прошептала Миюки, — она боится»

. Рин подошла ближе и, закрыв глаза, подтвердила это

ощущение, заметив странную «трещину», которая висела не в почве, а в самом воздухе, будто кто-то грубо разбил невидимое стекло и ушёл, оставив осколки

. Харуто невольно положил руку на рукоять Когарэби; меч молчал, но в его ножнах ощущалось нарастающее напряжение, подобное статическому электричеству перед сильной грозой

. Миюки осторожно раздвинула стебли и увидела кристалл . Он был крошечным, размером не больше ногтя мизинца, и лежал в земле так, словно его в неё вдавили с силой

. Объект казался прозрачным, но внутри него пульсировал зловещий красный огонь, цветом напоминающий запёкшуюся кровь

. По краям кристалла расходились микроскопические трещины, сплетающиеся в узор, пугающе напоминающий человеческие нервные окончания или густую паутину

. «Это не природное образование», — произнесла Миюки, и её голос прозвучал как удар молота в тишине

. Она не рискнула коснуться находки, потому что всем своим естеством чувствовала: этот кристалл «болит»

. Но болел не сам камень, а тот, кто его сотворил

. Аяме присела рядом, её пальцы непроизвольно дрогнули на тетиве Цукиханы — инстинкт стрелка безошибочно сигнализировал о смертельной опасности

. Миюки закрыла глаза, чувствуя, как травы в её мешке за спиной мгновенно замерли, перестав пульсировать жизнью

. Кто-то вживил этот предмет в землю совсем недавно — час или, возможно, всего минуту назад; казалось, само время в этом месте было надломлено

. Когда Такэру предположил, что это работа Кураторов, Рин ледяным тоном отрезала: система не оставляет таких явных следов, она их стирает, а этот кристалл был предсмертным криком

. Миюки добавила, что каждая трещина здесь точна и вырезана вручную, словно шрам

. Это не была ловушка, которая ждёт жертву, — это было нечто умирающее

. На глазах у героев кристалл начал меняться: красный огонь внутри стал тускнеть, а трещины расширились, подобно ране, которая отказывается заживать

. Из самой глубокой трещины выступила капля серебристого, горького на вкус света

. Миюки поднесла палец, и капля мгновенно впиталась в её кожу

. Целительница вздрогнула, проваливаясь в резкое видение: лаборатория с мрачными стенами из чёрного камня, столы, заваленные кристаллами, и руки, сплошь покрытые шрамами от собственных жестоких экспериментов

«Его зовут Кэндзи Сэки. Учёный из страны Амата́расу»,
— выдохнула Миюки, открыв глаза, полные тяжёлого понимания

. Харуто вспомнил слова своего дяди Казумы о том, что Кэндзи — его родной брат, учёный-изгой, верящий, что эволюция возможна только через страдание

. Этот кристалл был не оружием, а посланием: Кэндзи был здесь или всё ещё находится где-то поблизости

. В этот момент кристалл рассыпался в серую пыль, похожую на пепел после пожара

. Пыль осела на траву, та на миг почернела, но затем вернула свой цвет, сохранив лишь чёрный выжженный круг в форме кристалла

. Миюки медленно поднялась, её пальцы были сжаты в кулаки

. Она прошептала фразу, и в этот момент её голос прозвучал чуждо, словно принадлежал самому учёному-изгою: «Боль — единственный язык эволюции»

. Хокку: Кристалл в траве, Трещина — не рана, а слово. Кто оставил след?

Часть 7: Аяме ловит ворона с запиской о лживых границах
Ворон прилетел не с неба. Он вырвался прямо из удуш-

ливого дыма, окутавшего ворота Рикугами

. Чёрный, как обугленная ветка, он выделялся лишь одним ярким пятном — пером на левом крыле, красным, будто пропитанным запёкшейся кровью

. Птица не кружила над головами, а просто рухнула вниз, к ногам Аяме, словно её сбросили с невидимого обрыва

. Аяме не отпрянула. Её рука машинально потянулась к луку Цукихана, но тут же замерла

. Ворон не собирался атаковать; он лежал, раскинув крылья, и смотрел на неё. Его глаза были не птичьими — серыми, человеческими, полными бесконечной усталости

. Несмотря на предостережение Такэру, уже сжимавшего щит Сэйтэн, Аяме опустилась на колени

. Коснувшись перьев, она почувствовала ледяной холод — не физический, а холод чужой памяти, вплетённой в каждое крыло

. Клюв птицы приоткрылся, и Аяме извлекла из него свёрток

. Это была не бумага, а кора, на которой символы были не написаны чернилами, а медленно и мучительно выжжены, будто чьим-то пальцем

. — Читай, — глухо произнёс Харуто, чей меч Когарэби в ножнах начал тревожно вибрировать

.
Аяме развернула кору. Надпись гласила: «Границы лгут.
Ищи правду в руинах»

.
Тишина, последовавшая за этими словами, была тяжелее дыма над воротами. Рин первой нарушила её, прошептав, что это не угроза, а «приглашение»

. Миюки, прижав ладонь к груди ворона, добавила, что он — лишь посланник, чьё сердце бьётся не ради жизни, а ради долга

. В этот миг ворон моргнул с человеческим пониманием, взмахнул крыльями и исчез в дыму так же внезапно, как и появился

.
На гравии осталось лишь красное перо. Такэру поднял его и увидел на обратной стороне едва заметный символ — полумесяц в круге

.
— Это... — начал он, но Аяме оборвала его, уже понимая, что это знак Сакуры

.
Харуто, перевернув кору, нашёл ещё одно клеймо — маленький, почти стёртый глаз, разорванный пополам

. — Куроширо, — прошептал он

.
Герои осознали: границы, о которых говорилось в запис-

ке, проходят не по земле, а в головах, приказах и лживых газетах Кураторов

. Путь лежал в Западные Руины — туда, где Кэндзи Сэки и Рёнсай Хэйя оставили свои следы

. — Мы идём? — спросил Такэру, сжимая перо. — Мы не будем просить разрешения у Кураторов, — ответила Аяме с непоколебимой решимостью

. Рин резко обернулась: в толпе жителей она заметила шорох. Там, где мгновение назад кто-то стоял, на пыльной земле остался свежий след женского ботинка и нарисованный пальцем полумесяц. Сакура была здесь

. Хокку: Ворон в дыму, Слова — как нож в тишине. Куда ведёт путь?

Часть 8: Харуто впервые видит Казуму Сэно у храма

Харуто заметил его не сразу. Сначала взгляд застилал удушливый дым, потом — пустые лица стражей и холодный, как лезвие, взгляд матери

. Лишь когда толпа немного расступилась, он увидел фигуру, стоявшую у подножия храма — там, где обычно собирались старейшины, чтобы вершить судьбы Рикугами

. Это был высокий мужчина в простом сером кимоно без

знаков ранга

. Его плечи были прямыми, но не напряжёнными — так стоит человек, который привык носить невидимый, но непомерно тяжёлый груз

. Волосы, когда-то тёмные, теперь были тронуты густой проседью у висков, а глубокие борозды у глаз говорили о том, что он слишком много видел, чтобы часто улыбаться

. Его взгляд — прямой и тяжёлый — был наполнен не враждебностью, а пугающим знанием

. Харуто замер. Когарэби в ножнах дрогнул — не в предупреждении об опасности, а в приветствии, будто сталь узнала старого друга раньше, чем разум вспомнил имя

. Мужчина легко, почти небрежно отстранил преградившего путь стража и направился прямо к Харуто

. Каждый его шаг по гравию отзывался в ушах Харуто ударом сердца.

— Ты вернулся, — произнёс он. Его голос был низким и спокойным, как камень на дне горной реки, но каждое слово падало с весом молота по наковальне. — Живым

. Харуто сглотнул ком, застрявший в горле. — Вы... знали меня? — выдохнул он

. Мужчина едва заметно усмехнулся — в этой усмешке не

было радости, лишь горькое принятие реальности. — Я знал твоего отца, — ответил он

. — Меня зовут Казума Сэно. Я был его учителем. И теперь... я буду твоим

.
Такэру и остальные подошли ближе, чувствуя исходящую от незнакомца силу. Миюки, сжимая в руках почерневшие травы, тихо спросила о кристалле, найденном у ворот. Казума посмотрел на неё с неожиданным уважением. — Кэндзи Сэки — мой брат

. Он не враг. Он жертва, как и все мы

.
Казума повернулся к дыму, застилающему ворота, и в его янтарных глазах отразилось пламя горящей газеты. — Мир рушится, Харуто, — сказал он, глядя прямо в душу юноше. — Не потому, что кто-то хочет его уничтожить. А потому, что никто не хочет его спасти

.
Хокку: Тень у порога, Взгляд янтарный знает всё. Чей ты ученик?

Часть 9: Появление Куратора в чёрном плаще: «Вы — щит системы»

Куратор появился не из толпы, не из-за спин стражей и даже не из ворот храма. Он вышел прямо из дыма, как будто плотная серая завеса была не продуктом горения, а дверью

— чёрной, без ручек и замков

. Он просто шагнул через порог в мир, где ещё оставались живые люди.

Его плащ не был сшит из ткани или кожи. Это был материал, который не отражал свет, а поглощал его, словно в складках жила сама тьма, научившаяся ходить на двух ногах

. Лицо скрывал глубокий капюшон, оставляя глаза в непроницаемой тени, и лишь тонкие, лишённые улыбки губы замерли в гримасе вечного безразличия

. Он остановился в трёх шагах от Харуто. Его голос не был ни старым, ни молодым — он был пустым, как эхо в заброшенном склепе

. — Вы здесь не для отдыха, — произнёс Куратор, и эти слова придавили героев к земле сильнее, чем усталость пути

. Такэру, сжимая кулаки, попытался возразить, что они выполнили задание и прошли через границу, но Куратор даже не повернул головы. — Задание? — в его голосе прозвучало ледяное презрение. — Вы думали, что выполняете задание. На самом деле вы просто выживали

. Рин, чьи пальцы до белизны сжали веер, прошептала, что он лжёт, но в её взгляде читался ужас узнавания частичной правды

. Миюки, коснувшись земли, добавила, что это существо не является человеком полностью

.
— Никто из нас не человек, — усмехнулся Куратор. — Мы — инструменты.

Он шагнул ближе к Харуто. Его плащ не шелестел и не колыхался при движении

. — Ты думаешь, это Рикугами? — спросил он, обводя рукой задымлённые улицы. — Раньше это была твоя деревня. Теперь — это фронт. Пять великих стран на грани войны, и все они обвиняют Рикугами в диверсиях

.
Когда Такэру выкрикнул, что обвинения основаны на ложных символах, Куратор кивнул с пугающим спокойствием. — Ложных. Но кто их подбросил? Вы думаете, это враги? Нет. Это сделали мы

.
Аяме вскинула лук Цукихана, но Куратор даже не вздрогнул. Он объяснил, что Совет Пяти Стран — это не враг, а система, и система требует жертв

.
— Вы — щит системы, — повторил он, глядя прямо в душу Харуто

. — Щит от правды, которую мир не готов принять. Системы, которая сломала твоего отца, убила мать Аджисай и создала Викария

Харуто вздрогнул, когда имена из его кошмаров прозвучали вслух. Куратор наклонился к самому его уху: — И я знаю, что ты выберешь быть этим щитом, даже если это разрушит всё, во что ты веришь

Дав героям три дня на отдых перед новым заданием, Куратор растворился в воздухе, не оставив после себя ни тени, ни запаха

В ушах Харуто продолжало звенеть эхо его слов, а в голове бился единственный вопрос: «Щит от чего? Или — щит для кого?»

Хокку: Тень в чёрном плаще, Слова — как цепи на нас. Чей мы теперь щит?

Часть 10: Ночная пульсация меча Когарэби в такт крику Сакуры

Ночь опустилась на Рикугами не как покой, а как тяжёлая пауза перед ударом молота по наковальне

Харуто не спал; он сидел на крыльце дома матери, положив Когарэби поперёк колен

Луна висела в небе тонким, острым серпом, а воздух был пропитан запахом гари, страха и чего-то очень старого

Харуто закрыл глаза, пытаясь дышать мерно, как учил отец, чувствуя, что меч перестал быть просто сталью

Внезапно он ощутил это не слухом, а самой кожей: меч вздрогнул

. Это не была обычная вибрация — это был пульс

. Раз. Два. Три. И в такт этому пульсу из ночной темноты донёсся крик — далёкий, сдавленный, будто его вырвали из горла, зажав рот ладонью

. Это был женский голос

. Харуто открыл глаза и увидел, что оранжевое свечение лезвия стало рваным, как сердце, бьющееся в унисон с чужой болью

— Слышишь? — раздался сзади тихий голос Такэру

. Он опустился рядом, прислонив свой щит Сэйтен к стене; руны на щите были мертвенно-тёмными

. Такэру назвал этот звук не криком, а эхом

. Следом из тени храма вышла бледная Рин, прошептав, что это не просто эхо, а зов

. Миюки, сжимая в руках почерневшие, мёртвые травы, подтвердила: травы молчат, но меч помнит всё

Свечение Когарэби внезапно изменилось — оранжевый цвет сменился кроваво-красным, как закат над руинами

. В этом пульсирующем свете на мгновение проступил образ: Сакура Ито в сером плаще, её руки связаны, губы в крови, а глаза смотрят на Харуто с отчаянной просьбой

— Она зовёт, — выдохнул Харуто, чувствуя, как пересохло в горле

. Рин предупредила, что крик скоро станет тишиной, если они не поторопятся

. Харуто провёл пальцами по лезвию, и меч отозвался не теплом, а обещанием найти её путь

. Крик повторился — тоньше, слабее, но пугающе ближе

. Прижав лезвие к губам, Харуто прошептал: «Я иду»

. Когарэби ответил финальным тройным толчком пульса: «Жди»

Хокку: Меч пульсирует, Крик в ночи — не эхо, а зов. Кто ждёт на рассвете?

Глава 32: «Кровь и память»

Часть 1: Казума зовёт Харуто в сад для тайного разговора

Тишина ударила Харуто в лицо, как холодная вода. Один шаг — и за спиной остались удушливый дым ворот Рикугами, крики стражей и тяжёлые взгляды толпы; второй шаг сквозь каменную арку, обвитую густым плющом, — и мир сжался до размеров узкой аллеи, вымощенной галькой

. Здесь листья не просто шелестели на ветру, они дышали, перешёптываясь о тайнах, которые земля хранила веками

. Галька под ногами поскрипывала, напоминая звук лома-

ющихся костей старых секретов

Казума Сэно шёл впереди. Он двигался уверенно, не оборачиваясь, будто знал каждый изгиб этой тропы и каждую тень, падающую от пустых ветвей сакуры

. Воздух здесь был пропитан горьким запахом увядания и чем-то древним, что заставляло Когарэби на поясе Харуто затихнуть, но не успокоиться

Они остановились у небольшого пруда. Вода в нём была чёрной, как ночь без луны, но в глубине что-то мерцало — не звёзды, а память, запертая в неподвижной глади

. Харуто опустил взгляд и вздрогнул: в отражении он увидел не себя. На него смотрел мужчина с такими же глазами и морщинами у уголков рта, чьи пальцы сжимали рукоять меча, который Харуто узнал мгновенно. Это был его отец

. На мгновение Харуто показалось, что отец улыбнулся ему с гордостью, прежде чем рябь стерла образ

— Здесь нас не услышат, — произнёс Казума. В его ровном голосе Харуто уловил тонкую трещину, похожую на след удара по стеклу

. Мужчина обернулся, и его янтарные глаза, так похожие на глаза матери Харуто, смотрели прямо в душу юноши

. — Ты вернулся не таким, каким ушёл. Я вижу это в твоей походке и в том, как ты держишь меч

.
Казума указал рукой на дальний угол сада, где среди мха росли лунные цветы. Один из них был сломан — не ветром или дождём, а человеческой рукой

. — Твоя мать сажала их каждую весну, — прошептал он, и его пальцы со шрамом на ладони непроизвольно сжались

. — Она говорила: «Если цветок выживет — выживет и память»

.
Харуто почувствовал, как сердце забилося в самом горле. — О ком вы говорите? — спросил он, делая шаг вперёд

. Казума долго молчал, выбирая слова, которые могли бы либо исцелить, либо окончательно разрушить их мир

. Наконец, он глубоко вдохнул, и шрам на его руке побелел от напряжения

. — Твоя мать... — начал он, и голос его дрогнул. — Твоя мать — моя младшая сестра

.
Слова повисли в холодном воздухе сада, превращая легенду о великом мастере в семейную хронику, написанную кровью и потерями

. Харуто стоял неподвижно, понимая, что этот разговор — лишь начало долгого пути к правде, которую Рикугами пыталась стереть

.
Хокку: Сломанный цветок, Слова застряли в горле. Кто

она — мать?

Часть 2: «Твоя мать — моя младшая сестра. А старшая...»
— замолкает

Воздух в саду стал гуще, словно слова, которые еще не были произнесены, уже обладали физическим весом

. Казума стоял у пруда, его спина оставалась прямой, но плечи были опущены под тяжестью правды, которую он годами прятал под кожей

. Харуто молчал, потому что знал эту истину слишком давно: еще в детстве мать показывала ему потрёпанный альбом, где на снимке «Весна 17-го» Казума улыбался рядом с молодой Акико

. Казума глубоко вдохнул и, повернувшись к Харуто, наконец произнес те самые слова: — Твоя мать... она моя младшая сестра

. Харуто кивнул медленно, без тени удивления, ответив, что всегда знал об этом из альбома, хотя мать никогда не называла Казуму братом

. Имя «Казума Сэно» было для нее щитом, защищавшим от боли прошлого, и теперь этот щит дал трещину

. Казума провёл ладонью по лицу, пытаясь удержать воспоминания, и его голос стал хриплым, когда он заговорил о

«старшей»

. Харуто вспомнил, как мать иногда шептала во сне имя «Мидзухо», прося у неё прощения, и теперь всё встало на свои места

. Старшая сестра ушла молодой, против воли родителей, и больше её в деревне не видели

. Последний раз Казума видел её в двадцать лет у ворот — она сказала, что не вернётся, и исчезла в тумане

.
— Ты думаешь, я не пытался её вернуть? — Казума резко обернулся, и в его янтарных глазах вспыхнула застарелая боль

. — Я бежал за ней до самого холма, кричал её имя, но остался, потому что был слабым и подчинился приказу отца

. Он в ярости ударил кулаком по стволу сакуры, и из трещины в коре потекла тёмная смола, похожая на чёрные слёзы

. Харуто, вспомнив наставление отца, положил руку на плечо дяди, понимая, что сейчас слова — это лишь соль на открытую рану

.
Казума посмотрел на юношу и усмехнулся сквозь горечь: — Ты похож на неё. И на отца тоже

. В этот момент на воду пруда упал лепесток сакуры, медленно дрейфуя, как воспоминание, которое отказывается тонуть

. Казума закрыл глаза, признавая, что пока Харуто жив —

жива и память о тех, кого они потеряли

Хокку: Слова не сказаны, Но в тишине — правда. Кровь помнит путь

Часть 3: Воспоминание Казумы: девочка с косичками (мать Аджисай) учила его читать

Воздух в саду сгустился, становясь почти осязаемым, но не от дыма за воротами Рикугами, а от тишины, натянутой между Харуто и его дядей, как тонкая шёлковая нить

Казума Сэно стоял у пруда, его плечи были опущены под невидимым грузом, а пальцы правой руки машинально поглаживали старый шрам на левой ладони — след от книги, которую он когда-то пытался удержать в детстве

Он закрыл глаза и, казалось, перестал дышать, проваливаясь в глубину собственной памяти

В его видении пруд перестал быть чёрным, превратившись в зеркально чистую воду, отражающую летнее солнце

Пахло лунными цветами — сладко и душно

Семилетний Казума сидел на корточках, сжимая потрёпанную книгу с выцветшими знаками, и его губы дрожали от бессилия

«Не получается», — хрипло шептал мальчик, готовый швырнуть книгу в траву

Но за его спиной всегда была она. Девочка десяти лет с аккуратными косичками, перевязанными синими лентами . Это была Мидзухо, мать Аджисай. Она не ругала его, а просто садилась рядом, и её колено, согретое солнцем, касалось его ноги

. Её пальчик медленно вёл по строке, соединяя смыслы: — Смотри, — её голос был мягким, как мох под ногами, — вот этот знак — «вода». А этот — «небо». Вместе они — «ДОЖДЬ»

. Маленький Казума смотрел на неё с надеждой и страхом, спрашивая, что будет, если он снова всё забудет

. И тогда сестра дала ему клятву, которая спустя десятилетия отозвалась болью в его сердце: «Я научу тебя снова. И снова. И снова. Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

. Казума вздрогнул и открыл глаза, возвращаясь в холодный сад настоящего

. Его взгляд был мокрым, но не от слёз, а от тяжести осознания

. — Ты знаешь, что самое страшное, Харуто? — прошептал он, глядя в чёрную воду пруда

. — То, что я запомнил. Каждое её слово. Каждую строку. Но не сумел запомнить её саму

.

Он сжал кулак, и шрам на руке побелел. Мидзухо была для него светом, который учил находить смысл в темноте, но этот свет угас прежде, чем он успел вернуть ей долг

Хокку: Косички в солнце, Слова — как семена в земле.
Кто запомнит свет?

Часть 4 (продолжение): Рассказ об отъезде сестры в Сяньню

Казума замолчал, глядя на свои руки, будто пытался найти в линиях на ладонях карту того дня, когда его мир раскололся надвое

Воздух в саду стал неподвижным, даже вода в пруду перестала рябить, превратившись в черное зеркало

— Она не просто ушла, Харуто, — заговорил он снова, и его голос был сухим, как старая кора. — Она выбрала Сяньню. Нашла человека, который смотрел на неё не как на «наследницу генома», а как на женщину

Его звали Реньтитиро Мураками (тут дополнить). Он был учёным, таким же безумцем в своих изысканиях, как и она. Он сажал персиковые деревья и говорил, что границы — это лишь линии на бумаге, которые боятся тех, кто умеет мечтать

Казума горько усмехнулся. — Она уехала с ним на рассве-

те. Наша мать рыдала в храме, отец молчал, сжимая рукоять своего меча до хруста костей. Мидзухо стояла у ворот — высокая, с распущенными волосами, и в её глазах не было ни капли страха. Только решимость. Она сказала тогда: «Я не вернусь. Не ждите»

. И она не лгала.

Казума коснулся шрама на своей руке — следа от семейного свитка, который он пытался удержать в день её отъезда . — Они поселились у подножия гор в Сяньню. Она писала в последнем письме, что их дом пахнет персиками и бумагой для расчётов

. Они исследовали пределы человеческого генома, пытались найти способ исцелять без расплаты

. А потом... — Казума сжал кулак так, что костяшки побелели. — Потом Сяньню закрыла свои границы. Захлопнула их, как крышку гроба. Тишина стала ответом на каждое моё письмо

. Харуто видел, как в янтарных глазах дяди вспыхнул огонь застарелой вины. — Я искал её десять лет, Харуто. Десять лет по десяти странам

. Стоял у ворот Сяньню три дня, слушая крики за стенами, но стража убивала любого, кто сделает шаг

. Я не знал, что она... что они с мужем уже погибли в том проклятом эксперименте

. Я искал призрака, думая, что спасаю сестру.

Казума поднял взгляд на Харуто, и в его взгляде была пугающая пустота. — Самое страшное — это не смерть, племянник. Самое страшное — это когда ты понимаешь, что границы действительно лгут. Они не защищают нас. Они просто позволяют нам умирать в одиночестве, пока те, кто остался снаружи, продолжают верить в надежду

.

Хокку: Персик в цвету, Письма уходят в туман. Дом заперт изнутри.

Часть 5: Решимость Харуто найти закрытый мир и «вывернуть души Тэнсеев»

Тишина после горьких откровений Казумы Сэно не была пустой — она дышала застарелой болью и невыплаканными слезами

. Харуто медленно поднял голову, но смотрел не на дядю, а в потемневшее небо, словно пытаясь разглядеть там очертания закрытого мира Сяньню

.

— Вы говорите, что бежали от задания к заданию, думая: «Ещё один день — и я вернусь», — голос Харуто был тихим, холодным и твердым, как камень на дне реки

. — Но вы не вернулись. И она тоже не вернулась, потому что кто-то решил: «Этот мир не для вас»

.

Юноша опустил ладонь на рукоять Когарэби, и меч ото-

звался не пульсацией, а нарастающим теплом

. Харуто признался, что чувствует, как «дышат» эти хранители порядка — Тэнсеи, строящие свои храмы на костях тех, кого они называли «ненужными»

. Он вспомнил извечную заповедь отца «стань щитом» и впервые осознал её истинную суть: щит тоже может быть острым

.
— Я не герой, не спаситель и не мститель, — произнес Харуто, и его шея напряглась от сдерживаемой ярости

. — Я — вопрос, который я вонжу в сердце каждого Тэнсея, пока они не выдохнут правду

.
Сделав шаг вперёд, Харуто открыто бросил вызов системе, лишившей его семьи: — Я найду этот мир, где бы он ни спрятался за стенами из страха и лжи

. И когда найду... я выверну души Тэнсеев наизнанку

.
В этот миг в саду воцарилось мертвенное безмолвие: ветер замер, листья сакуры перестали шелестеть, а вода в пруду застыла

. Казума вздрогнул, услышав в словах племянника эхо десятилетней Аджисай, которая когда-то обещала то же самое — перестроить мир из пепла

. В этом мгновении Харуто перестал быть просто учеником; он стал силой, которую Тэнсеи не смогут проигнориро-

вать

Хокку: Мир заперт на ключ, Но щит превратился в нож.
Души вскроет сталь.

Часть 6: Реакция Казумы на слова Харуто, которые когда-то говорила Аджисай

Тишина, последовавшая за резкими словами Харуто о намерении «вывернуть души Тэнсеев наизнанку», не была пустой — она дрогнула, как струна, которой коснулся палец, помнящий старую и болезненную мелодию

Казума Сэно стоял у пруда неподвижно, но его плечи, обычно прямые, внезапно провисли под тяжестью невидимого груза, который в это мгновение стал невыносимым

Он вздрогнул и медленно повернулся к племяннику, глядя ему прямо в глаза с выражением пугающего узнавания

— Эти слова... — начал Казума, и его голос сорвался, прежде чем он смог заставить себя продолжить. — Эти слова Аджисай говорила в последний день, когда я её видел

Он снова провалился в воспоминание: десятилетняя девочка сидит у этого самого пруда, её щека расцарапана, а взгляд полон такой горечи, которая не должна принадлежать ребёнку

Тогда она произнесла ту же клятву, ставшую теперь про-

клятием для Казумы

. Казума вспомнил, как надеялся, что дети забывают обиды, но Аджисай не забыла — она превратила свою боль в яд

. Казума подошёл к Харуто и тяжело положил руку ему на плечо. В его янтарных глазах теперь отражался не свет, а пепел

. — Не повторяй её путь, — произнёс он тихо, но со ста­люю в каждом слого. — Боль — не путь к силе. Она верила, что если выдержит достаточно ударов, мир станет чище. Но мир не изменился. Она — сломалась

. Он сжал плечо Харуто сильнее, почти настоятельно. — Я думаю, что ты уже идёшь её путём, — добавил Казума с глубокой усталостью. — Но у тебя, в отличие от неё, всё ещё есть выбор. Боль — это не сила, Харуто, это рана. А раны заживают только тогда, когда перестаёшь ковырять в них пальцами

. Оставив Харуто одного среди сломанных лунных цветов, Казума скрылся в арке сада, напоследок попросив: «Скажи ей... если найдёшь...», но так и не решившись закончить фразу

. Хокку: Взгляд в пустоту, Эхо слов — как старый шрам. Чей ты выбрал путь?

Часть 7: Счастье Аджисай до тишины Сяньню

Казума медленно отвернулся от пруда, словно само его отражение причиняло ему физическую боль

. Его пальцы судорожно сжали край простого серого кимоно, ткань которого была лишена каких-либо узоров, как будто он пытался стереть из своей жизни любое напоминание о былом величии

. — Я навещал её до войны, — начал он, и его голос звучал тише, чем шорох опавшей листвы под ногами

. — Не часто — раз в два года, а иногда и реже, но я никогда не пропускал её день рождения

. Он подошёл к сломанному лунному цветку и присел на корточки, осторожно касаясь стебля, как открытой раны

. — В десять лет она устроила настоящий праздник, но не для толпы гостей, а только для меня одного

. Аджисай расстелила циновку прямо под цветущей сакурой, поставила чайник и, глядя мне прямо в глаза, сказала: «Дядя Казума, сегодня я научу тебя читать новые иероглифы»

. Уголок губ Казумы дрогнул в тени воспоминания, которое отчаянно пыталось превратиться в улыбку

. — Она была по-настоящему счастлива

. Знаешь ли ты, Харуто, разницу между весельем, радостью и счастьем?

. Веселье — это просто смех, радость — это шумный праздник, а счастье — это когда ребёнок сидит с тобой под деревом и верит, что ты знаешь ответы на все вопросы этого мира

. Казума встал, его взгляд снова приковала чёрная вода пруда, в которой больше не было света

. — В тот день она подарила мне старую книгу с потрёпанными страницами, на обложке которой были выжжены слова: «Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

. Я поклялся вернуться ровно через год, и она кивнула, пообещав ждать

. Тишина в саду стала настолько плотной, что даже сверчки прекратили свою песню

. Казума до белизны сжал костяшки пальцев

. — Я не вернулся

. Пятерка стран начала рвать границы на части, посыпались приказы, диверсии, разведки... я бежал от задания к заданию, думая, что завтра всё закончится, но дней всегда не хватало

. А потом Сяньню закрылась, хлопнув ворота, как крышку гроба, и ответом на все мои письма стала лишь мёртвая тишина

Харуто подошёл ближе и тяжело положил руку на плечо дяди

— Вы сделали то, что могли, — негромко произнёс юноша, и каждое его слово упало в тишину сада, как гвоздь, забиваемый в стену

Казума закрыл глаза, и в его голосе Харуто услышал не уверенность, а слабую, измученную надежду

Хокку: Чай под сакурой, Клятвы смыты дождем лет. Память — мой ожог.

Часть 7: Казума вспоминает счастье Аджисай до начала изоляции Сяньню

Казума медленно отвернулся от пруда, словно само его отражение причиняло ему физическую боль

Его пальцы судорожно сжали край простого серого кимоно, ткань которого была лишена каких-либо узоров, будто он намеренно пытался стереть из своей жизни любое напоминание о былом величии

— Я навещал её до войны, — начал он, и его голос звучал тише, чем шорох опавшей листвы под ногами

— Не часто — раз в два года, а иногда и реже, но я никогда не пропускал её день рождения

Он подошёл к сломанному лунному цветку и присел на корточки, осторожно касаясь стебля, как открытой раны

— В десять лет она устроила настоящий праздник, но не для толпы гостей, а только для меня одного

Аджисай расстелила циновку прямо под цветущей сакурой, поставила чайник и, глядя мне прямо в глаза, сказала: «Дядя Казума, сегодня я научу тебя читать новые иероглифы»

Уголок губ Казумы дрогнул в тени воспоминания, которое отчаянно пыталось превратиться в улыбку. — Она была по-настоящему счастлива

Знаешь ли ты, Харуто, разницу между весельем, радостью и счастьем?

Веселье — это просто смех, радость — это шумный праздник, а счастье — это когда ребёнок сидит с тобой под деревом и верит, что ты знаешь ответы на все вопросы этого мира

Казума встал, его взгляд снова приковала чёрная вода пруда, в которой больше не было света

— В тот день она подарила мне старую книгу с потрёпанными страницами, на обложке которой были выжжены слова: «Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

Я поклялся вернуться ровно через год, и она кивнула, пообещав ждать

.
Тишина в саду стала настолько плотной, что даже сверчки прекратили свою песню

. Казума до белизны сжал костяшки кулаков. — Я не вернулся

. Пятерка держав начала рвать границы на части, посыпались приказы, диверсии, разведки...

я бежал от задания к заданию, думая, что завтра всё закончится, но дней всегда не хватало

. А потом Сяньню закрылась, захлопнув ворота, как крышку гроба, и ответом на все мои письма стала лишь мёртвая тишина

.
Харуто подошёл ближе и тяжело положил руку на плечо дяди

. — Вы сделали то, что могли, — негромко произнёс юноша, и каждое его слово упало в тишину сада, как гвоздь, забиваемый в стену

.
Казума закрыл глаза, и в его голосе Харуто услышал не уверенность, а слабую, измученную надежду

.
Хокку: Чай под сакурой, Клятвы смыты дождем лет. Память — мой ожог.

Часть 8: Харуто спрашивает об отце Аджисай (Кёдзё); Ка-

зума признаёт, что не знал его лично

Вопрос Харуто упал в тишину сада, как тяжелый камень, брошенный в черную воду пруда

. Юноша не смотрел на дядю — его взгляд был прикован к отражению сломанного лунного цветка в темной глади

. — Ты знал отца Аджисай? — спросил он тихо и ровно

. Казума Сэно замер. Не телом — дыханием

. Он стоял у самого края воды, его плечи оставались прямыми, но вдох сорвался, а выдох болезненно затянулся

. Лишь тогда он отвел взгляд — не в сторону или вверх, а в землю, будто в серой гальке аллеи искал ответ, который не мог дать голосом

. — Нет, — наконец выдохнул он, и голос его прозвучал тише шелеста увядающих листьев

. — Я ушел в разведку.

Эти слова не были ложью — они были раной

. Казума сглотнул, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. На левой руке белел старый шрам от книги, которую он не смог прочитать в детстве; теперь к нему добавился невидимый шрам от вопроса, на который он не мог ответить

. — Она писала мне... однажды, — продолжил он, и в его голосе Харуто услышал надлом

. — Писала: «Он добрый. Он сажает персиковые деревья каждую весну. Он не спрашивает, откуда я. Он спрашивает, куда я хочу»

.
Казума глубоко вдохнул, пытаясь удержать ускользающее воспоминание. — Я не ответил на то письмо

. Был в горах Эхидны, на задании Совета Пяти Стран

. Граница трещала по швам, и я думал: «Напишу завтра»

. Завтра не наступило

.
Он отступил на шаг, прислонившись спиной к стволу сакуры. Кора треснула под его ладонью, и из трещины потекла темная смола, похожая на черные слезы

. — Я не знал его имени. Не видел его лица. Не слышал его голоса

. Но я знал главное: он был для неё домом. А я... я был лишь письмом, которое так и не дописал

.
Казума поднял взгляд на Харуто. В его глазах были не слезы, а отчаянная просьба: — Если ты найдешь её... скажи, что я помню. Скажи, что я сажал персик каждую весну. Даже когда не верил, что она вернется

.
Хокку: Сад в тишине ждёт, Письма ушли в пустоту. Кровь помнит его.

Часть 9: Казума показывает карту 10 стран, где Сяньню вычеркнута

Казума долго молчал, глядя на свои ладони, прежде чем резко отвернуться от пруда

. Он подошёл к старому дубу у края сада и, присев на корточки, отодвинул тяжёлый камень у самых корней

. В скрытой нише лежал свёрток — не из изящного шёлка, а из потрёпанной бумаги, покрытой пятнами, похожими на засохшую кровь и слёзы

. Развернув его прямо на траве, Казума явил Харуто карту, нарисованную от руки углём и чернилами

. На ней были жирно обведены границы пяти великих держав, но внимание Харуто приковали пометки на полях — не цифры, а обрывки чужих жизней: «Здесь видел её лицо в толпе. Ложь. Не она» или «Спросил у торговца. Молчит»

. — Я носил её десять лет, — прошептал Казума, и его голос был тише шелеста мёртвых листьев

. — Каждую ночь разворачивал, каждое утро прятал

. На карте были отмечены десять стран, через которые пролегли поиски Казумы: Аматаэрасу, Сусаноо, Чхонгунг, Лунар, Вейл, Зефир, Омбр, Солярис, Ноктис и Веридиан

. Под каждой страной стояли даты и имена тех, кто давал ложную надежду

. Однако название Сяньню выделялось среди прочих — оно не было обведено или подчёркнуто

. Оно было перечёркнуто жирным, рваным крестом, будто кто-то в ярости бил кулаком по бумаге

. Под крестом дрожащей рукой была выведена надпись.
«Закрето. Никто не входит. Никто не выходит»

.
— Здесь я не мог пройти, — палец Казумы дрогнул у чёрного креста

. — Стража убивает на месте. Я стоял у ворот три дня, слышал крики за стенами, но так и не вошёл

.
Харуто смотрел на этот чёрный крест, понимая, что перед ним не просто карта поисков, а приговор целому миру

. Казума сжал бумагу в кулаке, пытаясь вернуть ей тепло своих рук, и добавил с горечью, что мир не отдаёт тех, кого забирает

. В этот момент Харуто осознал: его дядя искал не только сестру — он искал самого себя, того мальчика, который когда-то обещал научить её читать, но так и не нашёл дорогу домой

.
Хокку: Десять стран в пыли, Крест на карте — как шрам.
Путь закрыт навек.

Часть 10: Наставление Казумы: «Боль — не путь к силе»

Казума долго смотрел на карту в своих руках, словно прощался с десятилетием бесплодных поисков и ложных надежд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.